

Чжун Минхэ полагал, что раз Чжоу Цзицзи сам вызвался найти ему учителя, то больше не станет заглядывать в его покои. Однако тот приходил несколько дней подряд, неизменно появляясь как раз к обеду. Он усаживался и просиживал до самого вечера, не обращая внимания ни на бури, ни на ливни, чем приводил Чжун Минхэ в полное уныние.

Сидя рядом, Чжоу Цзицзи левой рукой поглаживал золотую рыбку, а правой пригубливал чай, чувствуя себя в Зале Чундэ так привольно, словно находился в собственном поместье.

Чжун Минхэ, покусывая кончик кисти, чувствовал, как внутри закипает раздражение, и страстно желал, чтобы Чжоу Цзицзи поскорее убрался восвояси.

А Чжоу Цзицзи оставался невозмутимым. Время от времени он поднимал взгляд и всякий раз ловил на себе исполненный обиды взгляд маленького императора. Чжун Минхэ тут же отводил глаза и начинал грызть кисть ещё остервенелее.

Словно не замечая явного нежелания общаться, Чжоу Цзицзи отложил золотую рыбку, привычным движением подошёл к Чжун Минхэ и освободил изгрызенную в щепки кисть из зубов своего повелителя.

При этом он случайно коснулся его мягких губ. Ощущение было таким, будто он прикоснулся к свежеприготовленному пирожному, которое так и хотелось укусить. Чжоу Цзицзи невольно сглотнул.

Чжун Минхэ, едва почувствовав пальцы Чжоу Цзицзи, тут же отпрянул и забился в дальний угол.

— Прошу прощения, Ваше Величество, я не хотел вас напугать. Просто нельзя же так грызть кисть, вы ведь зубы испортите, потом заболят, — Чжоу Цзицзи прищурился, улыбаясь, словно коварный лис, задумавший увести наивного маленького кролика.

Хотя на словах он извинился, в его голосе не было ни капли раскаяния — всё выглядело так, будто он сделал это намеренно.

Чжун Минхэ невольно прикусил губу. Он хотел испепелить его гневным взглядом, но не осмелился. Лишь крепче сжал край своей одежды и после долгого молчания спросил:

— Ты... ты ведь говорил, что найдешь мне учителя?

Чжоу Цзицзи провёл пальцем по следам от зубов на кисти и ответил:

— Верно, я нашел. Это Великий наставник Пэн. В своё время он обучал принцев, так что для Вашего Величества он подходит как нельзя лучше.

Пэн Лянь, занимавший высший чин при дворе, хоть и носил звание Великого наставника лишь номинально, не обладая реальной властью, но в науках был сведущ как никто другой.

Чжун Минхэ слышал это имя. Должность наставника для принцев была пожалована Пэн Ляню самим покойным императором. Он был человеком выдающегося таланта, и в народе ходило немало легенд о его мудрости. Раньше Чжун Минхэ тоже мог бы учиться у него, постигать историю и географию, если бы не смерть отца.

Все считали его дурачком, но он прекрасно осознавал, чьим сыном является, и помнил всех тех, кто над ним издевался. Только вот у него не было сил дать отпор. Даже сейчас, став самым высокопоставленным человеком в Даюань, он был вынужден ютиться в маленьком дворике и заглядывать каждому в глаза, опасаясь немилости.

Чжоу Цзицзи, не отрывая взгляда от маленького императора, заметил, как сильно тот помрачнел.

— Что случилось, Ваше Величество? Почему вы расстроились? Или Пэн Лянь чем-то вас не устраивает?

— Нет-нет! — Чжун Минхэ отчаянно замотал головой. Получить в учителя самого Пэн Ляня — это удача, о которой можно было только мечтать.

— Тогда почему вы не рады? — не унимался Чжоу Цзицзи.

Чжун Минхэ ничего не оставалось, как прошептать:

— А он не будет драться? Я такой глупый... если разозлю его, он будет бить меня по рукам?

Чжоу Цзицзи замер, а затем ответил:

— Пэн Лянь никогда не применяет телесных наказаний к ученикам.

К тому же, ты император, кто посмеет ударить тебя по рукам?

Чжун Минхэ приоткрыл рот в улыбке, показав ряд ровных белых зубов.

— Хе-хе, тогда хорошо. Я больше всего на свете боюсь боли. Лишь бы не дрался.

— Отныне никто больше не посмеет бить или обижать Ваше Величество, — Чжоу Цзицзи не удержался и взъерошил мягкие волосы Чжун Минхэ.

К его удивлению, Чжун Минхэ не попытался увернуться. Более того, в этот миг рука Чжоу Цзици показалась ему удивительно тёплой — возможно, из-за сказанных им слов.

Никто и никогда раньше не говорил ему: «Больше никто не посмеет тебя обижать».

На следующий день после завершения утренней аудиенции Чжун Минхэ встретил Пэн Ляня в Зале Усердного Правления.

Пэн Лянь с седой бородой стоял в центре зала. Он был уже стар и давно отошел от дел, но настойчивость Чжоу Цзици, который трижды навещался к нему в уединенную хижину, заставила его вернуться, чтобы обучать нового императора.

Ходили слухи, что новый император — маленький дурачок, и Пэн Лянь сомневался, что Чжоу Цзици искренне желает дать ему хоть какие-то знания.

Однако, увидев маленького императора, он был поражен блеском в его глазах — он давно не встречал такого чистого и яркого взгляда.

Пэн Лянь собирался совершить глубокий поклон, но в силу преклонных лет и непослушных ног у него это вышло не сразу. Чжун Минхэ поспешно подбежал, чтобы помочь ему, и с глубоким почтением поклонился в ответ, как подобает ученику.

Пусть даже маленький император и прослыл простаком, но его статус был неоспорим. Пэн Лянь, привыкший обучать сыновей двух императоров, заслуживал такого уважения, но не стал вести себя как надменный старик.

Он поспешно произнёс:

— Ваше Величество, не нужно церемоний. Это я должен склониться перед вами.

— Нет-нет, — Чжун Минхэ активно замахал руками, — это я должен поклониться вам. Мой евнух сказал, что вы — мой учитель, и я должен быть очень вежливым, иначе вы будете над мной смеяться.

Пэн Лянь посмотрел на стоявшего позади евнуха и улыбнулся:

— Ваше Величество, вы знаете правила приличия, разве можно вас упрекнуть в отсутствии вежливости?

Услышав похвалу от учителя, Чжун Минхэ просиял, не скрывая искренней радости, которая так и светилась на его лице.

«Чистый и прелестный ребёнок», — подумал Пэн Лянь.

С этого дня у Чжун Минхэ, помимо утренних аудиенций, появилась новая обязанность — учиться. Учиться с раннего утра до поздней ночи.

Хорошо было лишь то, что Чжоу Цзицзи больше не сидел с ним в одной комнате, по крайней мере, пока рядом был Пэн Лянь. А Пэн Лянь был по-настоящему великим учителем: стоило ему что-то объяснить, как всё становилось удивительно ясным.

Но сегодня, задолго до того, как пришло время отдыхать, Чжун Минхэ начало клонить в сон. Иероглифы в книге сливались, превращаясь в маленьких человечков, дерущихся друг с другом, и сил сосредоточиться совсем не осталось.

Пэн Лянь отложил кисть и спросил:

— Ваше Величество, вы поняли суть?

— М-м, да, понял... — Чжун Минхэ старался придерживаться предписания называть себя «Я» (Чжэнь), чтобы проявить уважение.

Пэн Лянь вздохнул и закрыл книгу.

— Что ж, на сегодня достаточно. Вижу, Ваше Величество устали, давайте на этом закончим.

— Хорошо... — сонно пробормотал Чжун Минхэ.

Как только Пэн Лянь ушел, Чжун Минхэ с глухим стуком ткнулся лбом в книгу и тут же уснул.

Ли Дэли поспешно бросился к своему государю, осторожно погладил его по лбу, боясь, что тот ударился.

Чжун Минхэ даже не пошевелился, только обхватил Ли Дэли за пояс.

— Евнух, я хочу спать, так хочется спать...

— Хорошо-хорошо, спите, Ваше Величество, — Ли Дэли, как маленького ребёнка, похлопал его по спине и вместе с Чжао Юэ помог уложить его в постель.

Чжун Минхэ был таким лёгким, что его без труда перенесли на кровать. Ли Дэли бережно снял с него одежду и обувь, а затем протёр лицо и руки тёплым полотенцем.

Молодой евнух Сяо Юань, глядя на спящего с куклой в обнимку императора, пробормотал:

— Ваше Величество эти два дня как-то особенно сонливы. Раньше такого никогда не было.

И правда, его господин никогда прежде не ложился спать, не поужинав, даже во время болезни.

Чжао Юэ вдруг забеспокоился:

— Может, с ним что-то не так? Стоит ли вызвать лекаря Ли?

Чжун Минхэ, который ещё не успел погрузиться в глубокий сон, нахмурил брови и беспорядочно замахал рукой, словно протестуя, и сонно пробормотал:

— Не надо... не надо лекаря... Я хочу спать!

Ли Дэли спрятал его руку под одеяло и ласково прошептал:

— Хорошо-хорошо, не будем звать лекаря. Спите, Ваше Величество.

Дождавшись, пока император крепко уснет, они тихо вышли и прикрыли дверь.

— Наставник, правда не звать? — тихо спросил Сяо Юань.

Ли Дэли призадумался.

— Возможно, это от того, что он много читает и не высыпается. Подождем пару дней, если не пройдет — позовем лекаря Ли.

— Слушаюсь.

Весь последний месяц Чжун Минхэ чувствовал себя ужасно утомлённым. Тело словно налилось свинцом, он постоянно хотел спать, порой засыпал прямо за едой — если бы не ловкость Ли Дэли, он бы уже не раз клюнул носом в тарелку.

В этот день, едва проводив Пэн Ляня, Чжун Минхэ зевнул и уронил голову на стол.

Золотая рыбка выпрыгнула на поверхность стола и ласково потёрлась о его руку, выпрашивая порцию ласки. Чжун Минхэ протянул руку, взял рыбку и принялся гладить её под челюстью. Та пришла в восторг и начала лизать его пальцы.

Но, погладив её еще немного, Чжун Минхэ снова зевнул и, сменив позу, начал проваливаться в сон.

Ли Дэли подошел ближе и скомандовал слугам накрывать на стол.

— Ваше Величество, на кухне приготовили тушёную свиную рульку. Не хотите ли отведать?

Последние дни аппетит у его господина был совсем плохим, и Ли Дэли специально велел приготовить его любимое блюдо, которое обычно им ограничивали.

Услышав про рульку, Чжун Минхэ немного оживился. Он подошёл к столу, бережно неся золотую рыбку, и сел, потирая руки в предвкушении. В его глазах даже блеснул огонёк, и усталость как рукой сняло.

Однако стоило ему почувствовать запах мяса, как в желудке поднялась неприятная волна, к горлу подкатила тошнота. Он не придавал этому особого значения, но когда Ли Дэли положил ему кусок мяса в миску, и Чжун Минхэ собрался его съесть, запах показался ему невыносимо едким...

— Уэ-э...

\*\*\*

Выйдя из дворца, Пэн Лянь направился в поместье Чжоу Цзици.

Все эти дни Чжоу Цзици ни разу не спросил, как там Чжун Минхэ, и лишь сегодня решил поинтересоваться.

Пэн Лянь питал искреннюю симпатию к маленькому императору, но Чжоу Цзици держал в руках всю власть при дворе, и противопоставить ему что-то Пэн Лянь не мог. К тому же, он понимал, что Чжоу Цзици вовсе не такой, как о нём говорят в народе, поэтому ответил честно:

— За эти дни общения с Вашим Величеством я заметил, что он совсем не глуп. Некоторые вещи он схватывает с первого раза, начинает читать и даже понимает смысл, а иногда умеет рассуждать по аналогии. Но стоит мне похвалить его, как он тут же начинает притворяться, будто ничего не знает, — Пэн Лянь отпил чаю.

Чжоу Цзици нахмурился.

— Вы хотите сказать, что он притворяется дурачком?

— Не совсем притворяется. Его поведение и правда похоже на поведение ребёнка — он наивен, может часами смотреть на букашек на земле или разговаривать с кошкой. Всё это выглядит очень по-детски, — Пэн Лянь не стал подбирать резкие слова, но на деле это выглядело как глупость — неумение что-либо осознать, полное невежество. — Однако, в то же время он проявляет удивительную проницательность, не свойственную детям. Думаю, причина в том, что все эти годы никто толком не занимался его воспитанием.

Если с человеком обращаются как с ребёнком, не позволяют общаться со сверстниками и держат в такой изоляции, неудивительно, что это наложило свой отпечаток.

Чжоу Цзици постукивал пальцами по столу, размышляя о чём-то своём, а потом его взгляд внезапно потемнел.

— В таком случае, прошу вас и впредь уделить ему побольше внимания.

— Сделаю, что смогу, — Пэн Лянь слегка покачал головой. К тому же, он действительно привязался к этому маленькому императору.

Вспомнив что-то, он спросил:

— Скажи, твой отец писал тебе в последнее время?

Отец Чжоу Цзици, Юэ Цюаньцин, был самым любимым учеником Пэн Ляня, но Чжоу Цзиньхэн увёз его за тысячи ли в Линбэй, и с тех пор он ни разу не возвращался в Цзинду.

Услышав этот вопрос, Чжоу Цзици отбросил былое недовольство и улыбнулся. Говоря о своих приёмных отцах, он всегда улыбался.

— Да, писал. Он даже упомянул вас и передавал привет.

— Хм, надо же, вспомнил своего учителя, — Пэн Лянь хоть и проворчал это, но скрыть радость не смог.

— А Цзыси? Что-то я его давно не видел, — не удержался от вопроса Пэн Лянь.

В своё время пятнадцатилетний Чжоу Цзыси, увидев однажды молодого маркиза Чэн И, проделал тысячи ли из Линбэя в Цзинду, лишь бы быть рядом с ним. За последние два года эта история наделала много шума, и в столице не было никого, кто не знал бы, что младший господин из семьи Чжоу влюблён в Чэн И.

При мысли об этом выражение лица Чжоу Цзици стало мрачным.

— О нём? Даже не знаю, где он снова пропадает.

<http://bllate.org/book/21172/2144769>